

Урал и Россия в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка

В статье предлагается характеристика романов Д. Н. Мамина-Сибиряка в культурно-историческом движении Отечества 1860–1890-х гг.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, Урал, Евразия, гнездо, драматическое начало, Санкт-Петербург, улица, мегаполис, публика, система ценностей, искушения, «золотой телец», Отец, Сын, заповеди Христа, совесть, Правда

Ludmila P. Shchennikova

Ural and Russia in the novels by Dmitriy N. Mamin-Sibiryak

The article gives characteristics of novels by Dmitriy N. Mamin-Sibiryak in the cultural-historical movement of the Fatherland 1860–1890's.

Keywords: Dmitriy N. Mamin-Sibiryak, Ural, Eurasia, jack, the dramatic framework, Saint-Petersburg, street, city, public, system of values, temptations, «golden calf», Father, Son, Christ's commandments, conscience, Truth

Г. К. Щенникову посвящается

Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка принадлежит к отечественной классике. Поначалу его оценили только как пишущего человека «полностью от Урала», всем «обликом, ухваткой, чувствованием, думаньем» (С. Я. Елпатьевский)¹. Героями его произведений становятся уральские заводчики и рабочие, золотоискатели, сплавщики, охотники, старообрядцы, живущие в темных лесах. Критики увидели в «сильных людях» Мамина художественное воспроизведение лучших свойств российского характера. Это достоинство было обосновано тем, что именно на Урале лучше всего сохранился коренной тип «русака», а суровая природа и тяжелый труд доформировали волевого и напористого человека. Вместе с тем пишущие утверждали, что достоверность картин жизни уральского населения сочеталась с «пошлейшей антитеоретичностью»², неспособностью автора войти в основное русло литературы – духовных исканий «мыслящих людей»³.

В трудах советских литературоведов: Б. Д. Удинцева, Е. А. Боголюбова, А. И. Груздева, И. А. Дергачева и других выражается убеждение в несостоятельности обвинений, которое помогло выявить связи Мамина-Сибиряка с отечественным реализмом в его разносторонних исканиях. Ученые увидели в Мамине глубокого аналитика «уральского капитализма», исследователя социальной психологии. И. А. Дергачев показал развитие социологического реализма и определил связь этого метода с модификациями реализма 1880–1890-х гг. Такой подход позволил раскрыть историческую значительность «эмпирического» или «обыденного сознания»

народа, открывающегося в каждодневном труде, общении с природой и людьми, – сознания, сохраняющего народные представления о правде и совести⁴.

В произведениях Мамина синтезируется прошлое, настоящее и будущее человека: от рождения ловкого, смышленного и предприимчивого мастерового – к труженику-интеллекту, трудом указывающему один из путей улучшения жизни, – и не столь важно, где герой набирался опыта, – в Отечестве или за рубежом. Писатель создает Урал значительным Узлом, стягивающим не просто геополитические части – европейскую и азиатскую, а и срединным местом культуры России. Мамина занимает облик и образ формирующегося молодого человека: нравственные основы его личности и складывающаяся в сознании система ценностей⁵.

Путь Мамина в большую литературу был длительным и тернистым. В первый приезд в Петербург Мамин сблизился с «Обществом репортеров»: опыт газетчика результативно в «двойственном эффекте»: расширял знание жизни, позволял «окунаться в гущу повседневности» и приучал к литературному ремесленничеству. В это время были написаны первые рассказы о крепостных и солдатах, разбойниках и обитателях старообрядческих скитов: «Старцы», «Старик», «В горах», «Красная шапка», «Русалки», «Тайны зеленого леса» и первый роман «В водвороте страстей» (СПб., 1876) за подписью Е. Томский. Ранние рассказы и первый роман написаны романтиком: решающую роль в судьбах персонажей играют «страсти роковые», а «цве-

тистый», полный штампов, язык усиливает их значение. «В водовороте страстей» строится на неугасающем конфликте – борьбе не за жизнь, а за смерть героев, любящих одну женщину, – оба готовы ради победы в «поединке роковым» на любое преступление. Начиная писатель в фольклорно-романтическом ключе изображает свидание Назара и Груни, чувство которых будто «благословляет» сама природа. Христианское осуждение преступной страсти автор сталкивается с языческим гимном чувственной любви.

Романтизм Мамина не противостоит движению русской литературы. В последние десятилетия XIX в. наметились «неоромантические веяния» (С. Венгерова), ярко проявляющиеся и в поэзии⁶, и в прозе. По тематике, пафосу и стилю ранние произведения Мамина близки повестям и рассказам В. Короленко. В незавершенном романе «Омут»⁷ обозначается эпическое концептуальное ядро, во многом определяющее систему ценностей, тяготение к жанровому синтетизму и «картинно-пространственному» моделированию «русского мира».

В 1881–1882 гг. происходит второй литературный дебют. В Москве Мамин публикует цикл «путевых заметок» «От Урала до Москвы» и две повести: «Все мы хлеб едим» и «На рубеже Азии».

К началу 1883 г. Мамин завершает роман «Приваловские миллионы», который публикуется в журнале «Дело» в № 1–5 и 7–11 за 1883 г.⁸ Писатель ставит вопрос «порчи человеческого духа» под влиянием «неестественной» системы хозяйствования».

Мамин далеко не сразу приходит к окончательному варианту романа, в котором Сергей Привалов предстает потомком старого, но деградировавшего рода. Герой приходит к народничеству: любое дело его привлекает с точки зрения улучшения народной жизни: занимается ли он обретением прав на наследство, строительством мельницы для производства дешевой муки. Привалов считает, что приоритет промышленности создан искусственно, что для благоденствия аграрной страны необходимо развивать земледелие, – этой цели должна служить и его мельница⁹.

Мамина-Сибиряка волнует актуальный вопрос о необходимости нового работника – «русского евразийца», современника с европейским кругозором, человека, не отягощенного словесными предрассудками, и, одновременно, верного роду и делу. Кроме Сергея Привалова такая характеристика дана Игнатию Ляховскому. Перерабатывая роман для отдельного издания, Мамин в этом герое усиливает черты ловкого предпринимателя, рачительного, даже прижимистого хозяина, подчиняет персонаж другой

художественной задаче – разоблачения накопителей. Мамин подчеркивает, что и успехами в деятельности, и личностной неповторимостью пан Ляховский обязан отречением от «преданий» аристократического сословия. Еще в ссылке для Ляховского, лишенного вельможного статуса, «самым сильным гнетом явились аристократические предания...»: «Другой на его месте давно бы пустил себе пулю в лоб, или запил горькую, но Ляховский ограничился только тем, что окончательно стряхнул с себя остатки аристократических преданий и всем существом ушел в деловую атмосферу» (2–1: 44). Важная черта Ляховского, обнаруживающая в нем «европейца», проявляется в отношении к капиталу как к средству «энергетическому», стимулирующему развитие существующего и возникновение Нового Дела. Этим отличаются его взгляды на капитал от других владельцев заводов, использующих монопольное положение только для личного обогащения. Капиталом для Ляховского является все, что продвигает жизнь вперед – прежде всего наука: «Он любил науку и людей науки; в душе этого магната еще остался какой-то уголок, где жило чистое и освежающее чувство любви к истине» (2–1: 66)¹⁰. «Наука – это громаднейший капитал, созданный гениальнейшими умами в течение целых столетий, а всякий капитал должен приносить проценты. Капитал – сила, доктор, и мы должны им пользоваться, в какой бы форме он ни являлся...» (2–1: 87). Ляховский готов использовать разумную идею любого ученого, специалиста¹¹. Тип «русского евразийца» Мамин развивает в романах «Без названия» и «Хлеб»¹².

Выразителем духовных исканий интеллигенции в «Приваловских миллионах» выступает Максим Лоскутов: основой духовного развития и благоденствия он считает воспитание «великой сознательной любви к миру», и «наука в этом процессе сознательной любви является только внешним средством, далеко не совершенным. В сознательной любви и только в ней все счастье человека на земле». Лоскутов противопоставляет свою концепцию любви философии Шопенгауэра и Гартмана, ибо их системы развивают идею фаталистической зависимости человека от собственной природы, поэтому их системы пессимистичны. Его же концепция сознательной взаимной любви и духовного братства вселяет веру в человеческое счастье. Герой убежден, что для этого «...необходимо обратить внимание на нравственные силы, какие до сих пор не принимались в расчет новаторами. А между тем только на этих силах и можно создать что-нибудь истинно прочное и таким образом обеспечить за ним будущее...» (2–1: 35). В романе выразился

художественный талант Мамина. В сатирической фигуре Половодова подчеркнут хищнический аппетит дельца-авантюриста, ставящего ради ограбления Привалова все на карту жизни: жену, честь и свое существование. Быт и бытие уральского общества представлены и в предприимчивых добытчиках золота: в старике Бахарева, Даниле Шелехове; дельцах-предпринимателях и виртуозных мошенниках «от юриспруденции», представителем которых является адвокат Николай Веревкин; по контрасту Мамин создает кардинально иной – устойчивый старообрядческий – миробраз дома семьи Бахаревых.

Роман «Горное гнездо» (Отч. зап. 1884) отражает актуальный конфликт между интересами уральских заводчиков и рабочих. В основу драматической коллизии положен вопрос об «уставной грамоте», определяющей отношения между хозяевами и мастерами. Вокруг пересмотра содержания грамоты разворачивается борьба двух конкурирующих групп дельцов. Сущность борьбы заключается не в изменении положения рабочих, а в разделении власти¹³.

«Горное гнездо» отличает новый пафос, синтезирующий драматическое, игровое и «смеховое» начала, ярко проявляющие театрально-игровые и карнавальные элементы¹⁴. Приезд из Петербурга хозяина завода Лаптева карнавален по сути: неожиданно для сотен встречающих он появляется в пестром шотландском костюме, вызвавшем недоумение толпы. Карнавальная атмосфера закрепляется поведением петербургской «метрессы», Нины Леонтьевны, одетой «по-павлиньи», решившей немедленно исполнять роль хозяйки в доме управляющего. Мамин противопоставляет двух «примадонн»: Раису Павловну и Нину Леонтьевну, не желающих друг другу уступать «пальму первенства». Почти все персонажи ведут «игру втемную» (Мамин-Сибиряк). Главным режиссером «спектакля» является Прейн – первый «при дворе» Лаптева. Авторское мышление «сценами – картинками» ярко проявляет драматическое начало повествования. Сцена подготовки спектакля для Лаптева оборачивается «спектаклем-фарсом», разыгранным сумасшедшей девушкой Прасковьей Семеновной, мгновенно провоцирующим тайное бегство Лаптева в Петербург. Роль Виктора Прозорова, выражающего авторскую позицию, близка классической роли шута, «зрящего в корень» событий. Именно Прозоров в финале называет жизнь человека «трагедией», что определяет истинный пафос романа.

Первым «петербургским» романом Мамина становится «Бурный поток (На улице)», главы из которого печатались в журнале «Русская мысль» (1886. № 5–8). Но замысел претерпева-

ет серьезные изменения, в результате которых писатель и создает роман о драматических исканиях провинциалов в столице, и запечатлевает специфику массовой психологии и основ философии жизни столичной «толпы». Главным героем в «Бурном потоке...» является брат Калерии Ипполитовны Мостовой журналист Роман Покатилов – хроникер, целью жизни которого является исследование психологии и философии петербургской «улицы». Именно поэтому жизнь столичного человека представлена в восприятии и оценке Покатилова. Персонажи характеризуются не как часть социальной группы, как в «Горном гнезде», а осмысливаются как часть феномена «публики» мегаполиса. Ее кумиром является богатство, известность, шумный успех. Мамин запечатлевает силу толпы, ее «диктат» и влияние: как отмечал С. Надсон, современник писателя, «улица на все дает свою моду, и эта мода безмолвно выполняется всеми <...> наше несчастное время есть время господства улицы по преимуществу, и нужно обладать настоящим геройством, чтобы не поддаться этому всесильному влиянию»¹⁵. Именно «улица» все переосмысляет и переделывает, определяет вкусы и «законы», эксплуатируя дурные человеческие наклонности и инстинкты – «животную сторону нашего существования». Вместе с тем Покатилов, воспринимая и думая над столичным пространством как «явлением», вслушиваясь в его звуки и шумы, сознает их неповторимой музыкой жизни огромного, «симфонически» глубокого и разностороннего Целого. Журналист отказывается от печатания «скудно-серьезных» анекдотов, ограничиваясь хроникой и фельетонами: «Читатель хватал налету эту легкую и удобоваримую пищу, с жадностью проглатывал ее и постепенно усваивал сей фельетонный способ мышления: <...> все это просто, легко и понятно <...> Столичная улица заражала своим дыханием самую далекую провинцию, где быстро начали входить во вкус чисто уличного мирозерцания» (4: 152–153). «Улица» представлена равноправным героем романа вместе с ее исследователем Покатиловым и другими персонажами. Журналистская точка зрения героя определяет жанрово-композиционные особенности произведения. Роман хроникален, ибо автор представляет образ «живой жизни» петербургской публики 1880-х гг.: и театральной, и «скаковой», и вечерней, и утренней. Покатилов наблюдает за людьми, «попрокинутыми» в «бурный поток» столичной жизни, и отмечает, что далеко не все выдерживают его силу. И среди «испытываемых» – он и его возлюбленная Сюзанна Мороз-Доганская. В «Бурном потоке...» синтезируются элементы и романа-фельетона, и романа

тайн, и детективного и психологического, повествующих о бремени страстей человеческих и судьбоносных метаморфозах, поэтому он «вписывается» в эпический вектор, представленный Э. Сю, Ф. М. Достоевским, Вс. Крестовским и др. «Бурный поток...» соотносим с другой литературной традицией – «петербургским текстом», но не в первоначальном его виде¹⁶, а «в новациях», отмеченных еще Л. Толстым, Н. Некрасовым, М. Салтыковым-Щедриным, о чем свидетельствуют переосмысленные мотивы¹⁷, сюжеты, образы и реминисценции из их произведений, использованные Маминым-Сибиряком¹⁸.

О трагической судьбе шестидесятника-демократа повествует роман «Именинник». Его герой Павел Сажин – реформатор, лидер губернского земства. Он представлен широко мыслящим человеком¹⁹. В критической литературе Сажина называли «новым» Рудиным – «богатым словом, делом бедным». Неудачи Сажина вызваны не тем, что он – «лишний человек», а тем, что он – «ненужный». Это важное самоопределение усиливает трагизм самосознания героя. Нововведения Сажина: контроль земской управы за деятельностью врачей, использованием получаемых средств и другие – встречают яростное сопротивление, приводящее к возникновению оппозиции. Все члены земства, настроенные на реформы, вынуждены оставить службу. На смену им пришли «кабатчики» и «волостные писари» – приспособленцы, не скрывающие своих целей. Автор выражает горькую мысль о том, что часто деятельность ярких, талантливых людей и их успех бывают мимолетными. Суть их трагедии в том, что они – «именинники» – герои одного дня, назавтра вытесняемые бездушными чиновниками: «Посмотрите, сколько на Руси толпится совершенно ненужных людей, и притом это не какие-нибудь обсевки, а самые способные и талантливые <...>. Это наше специальное – русское явление...»²⁰. Мысль о трагизме судьбы «ненужных» людей завершается в финале, в котором Сажин, вроде бы полный сил и новых замыслов, кончает с собой накануне отъезда с Анной Злобиной. Классический мотив «испытания любовью» в романе Мамина получает авторскую интерпретацию, обнаруживающую и «роковой изъян» героя, и в то же время нравственную честность и ответственность по отношению к любимой женщине. Писатель находится в русле отечественной литературы – духовных исканий развитого человека – и открывает в нем свое «течение».

В более поздних романах заметно «сгущение» синтетизма, проявившееся в неизбывном осмыслении и изображении жизни народа, как у Ф. Решетникова, Л. Толстого, А. Чехова. В то

же время Мамин выражает уважительное отношение к просвещению и образованию, интеллигентности, не противоречащее доверию к народному опыту, добытому трудом и каждодневной наблюдательностью. Мамин продолжает исследовать психологию и жизнь «массагероя» как Целого и проявление «родового» и «стихийного». Писателя увлекает задача показать и проблемы, и гармонию межгрупповых и межличностных, и межкультурных связей, существующих в жизни людей в границах отдельной географической местности.

Эти вопросы Мамин ставит в романе «Три конца» (1890), открывающемся важнейшим историческим событием: провозглашением отмены крепостного права. Уральские рабочие узнали об этом позднее жителей Центральной России: заводчики и управляющие долгое время боялись «смущать» рабочий люд вестью о воле. У массы заводчан возникло желание получить свободную землю. Уральские мастеровые всегда были привязаны к земле – огороду, покосу, которые считались их собственностью. Вопрос о земельных наделах становится одним из самых острых и мучительных: за «свою» землю пришлось бороться десятилетиями. В то же время появляется соблазн воспользоваться волей для переселения на незанятые земли на юг Урала – в «орду» и вернуться к труду землепашцев. Это желание объединило «туляков» и «хохлов». Инициаторами переезда стали два свата – Тит Горбатый и Дорох Коваль. Это движение выглядело неодолимой и все захватывающей силой оттого, что в нем воедино слились «исконная тяга... к своей земле», поднимавшая на дыбы самых древних старух – «сорочка лет заводского житья точно не бывало»²¹, и насущная беда: перестали давать казенный хлеб рабочим, получившим свободу.

Действия и характер массы отражает синтез культурно-исторических и социальных поведенческих моделей. Общий подъем ломает устойчивые границы оседлых групп и в то же время ведет к усилению «разлома». Жители Ключевского разделяются на два «конца»: на желающих искать счастья «в орде» на башкирских землях и на тех, кто готов бороться за вольное владение заводской землей, к которой искони «приписан». В порыве переселенцев автор усматривает противоположные начала: и желание вернуться к патриархальному хозяйству, исторически себя изжившему, и рост самосознания человека, получившего свободу. Тема иммиграции рабочих, живущих на Урале, сообщает роману эпическую широту, отражающую характерное для пореформенной России историческое явление, вызвавшее тревогу в правительственных кругах и издание закона о

переселениях от 13 июля 1889 г., облегчавшего тяготы жизни переселенцев²². Главный организатор переселения – Тит Горбатый – не прижился в «орде», поэтому был вынужден вернуться в поселок. И хотя он воспринимает распад семьи как «катастрофу», объективные перемены в жизни означают установление более свободных отношений. Женщины, к которым раньше относились как к бессловесным существам, начинают сами решать свою участь. Эпическую масштабность роману придает не только общенародная значительность исторического события, но и его многогранное освещение: бурное время показано через восприятие и осмысление разных персонажей из среды рабочих и администрации завода. Управляющий округа Лука Назарыч, крутой и скорый на расправу, и теперь пытается действовать по-старому, удержать традиционные порядки, так как видит в совершающихся реформах будущий крах горнозаводского дела. Иначе оценивает перемены управитель завода Петр Елисеевич Мухин. Он относится к группе в недавнем прошлом крепостных инженеров, которые получили техническое образование во Франции. В России они стали писцами, приемщиками угля и рабочими в медных рудниках. Мухин – единственный из этой группы, выдержавший все испытания и ставший управителем Ключевского завода. Он мечтает о реконструкции устаревшего оборудования; о замене крепостного труда машинным, но его предложения не нужны администрации завода, в частности, управляющему Голиковскому, поскольку он путем экономических «прижимок» желает использовать дешевый труд вольнонаемных рабочих: «Я смотрю на рабочую силу как на всякую машину – и только. Ни больше, ни меньше. Каждая машина стоит столько-то, и должна давать такой-то процент выгодной работы, и раз этого нет, – я выкидываю ее за борт»²³. Это роман-хроника десяти пореформенных лет, в течение которых наметились значительные перемены в жизнеустройстве России. К финалу радикальные перемены совершаются в жизни всех действующих лиц. Мамин показывает, что на виду оказались люди незнатные и неученые, но предельно сноровистые, с крепкой хваткой.

«Три конца» – повествование не только о социальной озабоченности, а и о духовных поисках человека и массы. Традиционно искания правды и веры было привилегией героев из интеллигенции. В этом романе большое место занимает изображение жизни раскольничьих скитов, в которых теперь царит та же фальшь и внутренняя неустроенность, что и в «миру». И мать Енафа, и старец Кирилл поддаются искушениям властолюбия, тщеславия и корысти.

Но в среде героев, ищущих «спасения» в старообрядческих скитах, писатель видит не прекращающийся поиск истины, не слабеющую потребность народа в самоочищении. В скитах формируются кержацкие народные заступники, такие как Мосей Мухин, незаурядные фанатики веры: «перекрещенец» Гермоген. «Эпос разорения», представленный в романе, не имеет трагического финала, ибо Мамин изображает процесс зарождения новых форм «живой жизни». Нюрочка Мухина и Вася Груздев становятся организаторами школы и потребительской лавки. Символична финальная картина ухода в скит Груздева-старшего, благословленного «мастерницей» Таисией и невесткой-учительницей. Писатель возлагает надежды не на старую веру как таковую, но на людей, взращенных ею.

В 1891 г. Мамин интенсивно работает над романами «Золото» (Север. Вестн. 1892. № 1–5) и «Хлеб» (Рус. мысль. 1895. Кн. 1–7), зарекомендовавшими себя лучшим произведениям о жизни народа конца XIX в. Социальная проблематика в них оплодотворена бытийными вопросами и переживаниями. В творчестве писателя тема «золота» является сквозной: она намечена еще в первых рассказах: «Старик», «Старатели», в очерке «Золотуха» – о жизни золотоискательской артели. Значительной вехой становится роман «Дикое счастье», первоначально опубликованный под названием «Жилка» (Вестн. Европы. 1884. № 1–4). В нем «золотая лихорадка» трактуется как «дьяволово искушение», власть «сатанинской гордости и лжи», распалаяющая своеволие золотопромышленника.

В романе «Золото» актуализируется проблема положения человека, действующего в золотодобывающей промышленности. Предметом художественного исследования становятся культурно-исторические и социальные изменения, повлиявшие на бытие человека. Мамин сознавал, что капитализм начинается с психологического переворота – обновления душевного строя работников, влияющего на перемены в ментальности. Культурно-историческое движение обозначено в «первоначальной» ситуации: должна открыться «Кедровская дача» для вольных старателей, поэтому и надо поскорее разведать, есть ли золото на реке Мутяшке. Золото как реальность и как мечта, переходящая в наваждение, приводит к жестокой борьбе. Автор не просто изображает жизнь опытного золотоискателя Андрона Кишкина, некогда открывшего Фатьяновскую россыпь, а теперь со своей артелью пытающегося опередить остальных. Кишкин очень скоро становится дельцом: покупает новый участок земли, на котором

находит «большое золото». Но оно не приносит истинной радости: на закате жизни, когда Андрон переживает время «дикого счастья», Матюшка из-за денег убивает его. Главным человеком на промыслах долгие годы является Родион Потапыч Зыков – «фанатик казенного приискового дела». Он проходит все этапы и стадии жизни человека, желающего во всех тонкостях познать приисковое дело. Растворяющее влияние золота показано на примере судеб семьи Зыковых: и Яша уходит на прииски, и зять Прокопий. «Праведница» бабушка Лукерья теперь торгует внуками, отдавая их «в услужение» новоявленным приисковым богачам, и сгорает на сундуке, полном золота. Сын Зыкова, Петр, пытавшийся украсть деньги у Кишкина, был тоже убит Матюшкой. Желание Зыкова устроиться лучше приводит к гибели и Лукерью, и Марию, и Наташу: «Произошел полный разгром крепкой старинной семьи, складывавшейся годами». Староверы под влиянием «золотой лихорадки» тоже отступают от древних обычаев и заповедей: Кожин, никогда не работающий на приисках, теперь входит в долю с Кишкиным; на землях раскольников ведутся разведывательные работы. Особенности философского ракурса проявляются в опоре на миф о «золотом тельце»: Мамин синтезирует миф и библейскую легенду о «золотом тельце». В книге «Исхода» повествуется, что во время долгого пребывания Моисея на горе Синай, где Господь передавал Скрижали Завета людям Израиля, они попросили Аарона создать им «нового бога» – стали поклоняться золотому тельцу, отлитому из золотых серег. Господь воспламенился на легкомысленный и необузданный народ и поразил его за этот поступок (Исход: 32: 1–35). В Библии поклонение золотому тельцу представлено важнейшей ситуацией в осознании сущности слушания нравственным заповедям Бога. В романе Мамин показывает, что активность старателей стимулируется слухами и верой в образ «золотой свиньи» – большого самородка, якобы найденного старателем, и из страха закопавшим золото в том же месте. «Золотую свинью» искали на Кедровской даче, манившей к себе «рассыпанной золотой пылью». Писатель изображает, как «металл» разрушает душевно-духовные силы, осмысляет его одним из символов «темных сил» земли, губящих человека. В то же время золото выступает символом успеха, кажущегося очевидным, но в действительности и золото, и успех становятся миражом. Герои ради обретения и сохранения совершают множество преступлений. Мамин подчеркивает пара-

доксальную закономерность: счастье уходит из дома, семьи именно тогда, когда «родным» пространством завладевает «золотой телец». Но писатель верит, что в сознании и душе осталось место для истинных ценностей – для Любви и ее Спасительной силы.

В 1894 г. Мамин-Сибиряк создает два романа: «Без названия» и «Хлеб». В первом автор продолжает начатое в «Приваловских миллионах» осмысление героя-«евразийца», делового человека, по-своему представляющего значение и формы капитала в России. Герой, Василий Окоемов, как и Игнатий Ляховский, считает главным пороком российских предпринимателей неумение относиться к деньгам как к силе, приближающей общее благополучие: «... мы просто не привыкли к деньгам и не умеем ими пользоваться. Куда ушли добытые в Сибири миллионы? Что они оставили в стране и кому принесли пользу, кроме ничтожной кучки счастливых?» «Общепринятый купец», считает Окоемов, только наживает капитал, а купец «европейской выучки» делает капитал средством улучшения жизни общества. Всякого человека, способного участвовать в общественно-полезном труде, Окоемов оценивает как «капитал»: «Возьмите крестьянина, мещанина, купца – там молодой человек в шестнадцать лет – уже целый капитал. Он работник, им дорожат, и он никогда не останется без места». Автор придает понятию «лишние люди» новое значение.

В романе изображен герой из России, получивший образование за рубежом и воспитавший себя для того, чтобы работать в Отечестве. Ляховский, при всех замечательных организаторских способностях и достижениях, при всей любви к дочери Зосе, безжалостен и жесток по отношению к окружающим. Окоемов изображен цельной личностью, думающей о людях, чья «жизнь не удалась». До последнего времени существовала точка зрения, согласно которой Окоемов является деятелем народнического типа, пытающимся воплотить социалистические принципы производства²⁴. Но артель, созданная Окоемовым, является не реконструкцией мужицкой общины, а акционерным обществом: непременным условием участия в работе становится вклад каждого в размере ста рублей из первых заработков. Герой делает ставку на капитал и личную инициативу каждого работника. Для него важнее экономических теорий – воспитание работника с новым сознанием, свободным от предрассудков: Окоемова интересовал самый тип этого «уральского промыслового человека»; у него «всегда на первом плане стоял живой человек»²⁵. Ляховский дистанцируется от людей, живущих по иной системе ценностей; Окоемов

неравнодушен к тем, кто утратил смысл жизни, и помогает его обрести. Его воздействие испытали на себе матушка Окоимова, княжна Варвара Петровна, управляющий Сергей Лапшин-Извольский. Актуальной задачей, считает Окоимов, является воспитание делового, совестливого человека, способного заняться предпринимательством для процветания державы: «Вот я и верю в этот подъем общественной совести, верю в то, что таких совестливых людей сотни тысяч и что их будет все больше и больше. Золотой век, конечно, мечта, но это не мешает нам идти к нему». Вся деятельность подтверждает представление об Окоимове как мыслящем человеке, озабоченном делом и прочно стоящем на земле. Писатель создает и изображает современную эпоху как сложный «виток» мировой цивилизации, на котором возможно сформировать и хотя бы отчасти реализовать задуманное свободным, образованным человеком – носителем общечеловеческих норм.

Роман «Хлеб» написан в 1894 г.: впервые опубликован в журнале «Русская мысль» (1895. № 1–8) и выпущен отдельным изданием. В основу положены события голода 1891 г., охватившего почти всю Россию. В письме к А. М. Пятковскому от 25 июня 1881 г. Мамин так определяет культурно-историческую ситуацию, ставшую основой произведения: «Роман будет о хлебе, действующие лица – крестьянин и купец-хлебник. Хлеб – все, а в России у нас в особенности. Цена хлеба „строит цены“ на все остальное, и от нее зависит вся промышленность и торговля <...> тот процесс, каким хлеб достигается от производителя до потребителя, трудно проследить, потому что он совершается на громадном расстоянии <...> Я беру Зауралье, где на расстоянии десяти-пятнадцати лет <...> эти процессы проходят воочию. <...> Центр хлебной торговли – уездный город Шадринск – процветал, мужики благоденствовали <...> Теперь это недавнее золотое хлебное дно стало ареной для периодических голодовок, и главными виновниками являются винокурение и вторжение крупных капиталов»²⁶. Анализируя исторические события и процессы, писатель осмысляет одну из важнейших причин обнищания массы в пореформенный период: обнищание и голод последних лет обусловлены такими процессами, как «разорение Зауралья», «водворение в этом крае капиталистической крупной хлебной торговли, пустившей в оборот миллионные капиталы и выдувшей все запасы у крестьян...»²⁷. В романе не просто исследуется жизнь «социального организма», а подчеркивается трагизм бытия. Традиционно концепция романа «Хлеб» осмыслилась в ракурсе «социального развития»

России (И. Груздев, И. Дергачев), а характеры героев – в их способности быть «первооткрывателями» и «первопроходцами» в деле созидания промышленности и общего развития Уральского края²⁸. Современное прочтение требует обратить внимание на заглавие и подчеркнуть, что концепт «хлеб» ведет к «припоминанию» (Ф. М. Достоевский) части текста известной православной молитвы «Отче наш»: «...Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...». С начала романа Мамин использует множество лексем, сигнализирующих о значительности приведенного выше евангельского текста. Смекалистый Михай Колобов, появляющийся на первой странице романа, называет не фамилию, а говорит о себе как о «человеке Божиим», исповедующем «веру христианскую»²⁹. Несмотря на то, что в фамилии подчеркнута фольклорная основа (Колобов – Колобок?), простотой еды, трезвым образом жизни, неприязнательностью костюма подтверждается вера в Бога. Он предстает «умственным стариком», понимающим, что в Суслоне, одном из крупнейших сел в Зауральском крае, живут богатые мужики, «пшеничники», сеющие рожь только на продажу (с. 9, 70 и др.).

В синтезе семейно-бытовых, авантюрно-приключенческих и социальных «элементов» не сразу проступает его бытийная основа, под которой подразумевается способность человека к жизнестроительству, ибо в этом процессе проявляется/не проявляется совестливость как истинная человечность. Социально-личностное противоборство отступает на второй план перед столкновением мировоззренческих принципов. Мамин вкладывает в конфликт отца Михея Зотыча и сына Галактиона евангельский подтекст. Поначалу отец и сыновья Колобовы предстают созидателями, способными развивать мукомольное дело и для себя, и для развития края. Энергия, целеустремленность и предприимчивость Галактиона выявляют свойства «нового человека» в Суслоне: «Его тянуло дальше, на широкий простор...» (66). Конфликт между отцом и сыном намечается с первой части: сын принимает самостоятельные решения – Галактион одновременно становился примером и предметом для обсуждения: сознание сил проявилось в тяготении «...на широкий простор...». Отец Михай исповедует вековечную философию бережно-любовного отношения к матушке-земле, к кормилице: «А почему земля – все? – говорит он. Потому, что она дает хлеб насущный <...> Все от хлеба-батюшки». Отец

Михей является частицей народного миропредставления: он, как и другие, благоговееет перед «благодатной землей». Он – частица того народа, который «...еще не „испотачился“, и жил по-божески...» (с. 67). Но кардинальные перемены проявляются в ситуации, когда Май-Стабровский основывает винокуренный завод: его работа придает более высокое экономическое значение хлебоному рынку. Михей Зотов дает оценку переменам с христианских позиций, и спорит с адвокатом Штоффом, не желающим понимать безнравственную основу винокуренного дела: «Мы тут мучку мелем, а ты хлеб собираешься изводить на проклятое зелье. <...> Божий дар будете переводить да „черта“ тешить. <...> Богу вы все ответите за свои выдумки! <...> Да какой у вас Бог?.. Про совесть-то слышал, Карл Карлыч?» (85). Мамин разворачивает многоплановую картину разорения купечества, торговавшего хлебом; зарождения и развития в Зауралье банковского капитала; изживания тихого периферийного быта, на который «надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своем пути все, что как прорвавшая плотину вода» (199). Эта сила разрушающе действует на все и на всех, прежде всего на Галактиона, – ее покорного слуги. Основную концепцию романа составляет противостояние христианской Правды отца Михея, не признающего «новых людей» и деятельности сына Галактиона, травящего хлеб, «...Дар Божий, на проклятое винище...» (248). Чем выше Галактион поднимается по «лестнице успеха», тем методичнее автор подчеркивает процесс его нравственно-этической деградации: «...в нем мучительно умирал тот простой русский купец, который еще мог жалеть и себя, и других и говорить о совести...» (216). Но Галактион всеми силами приспособливается и вырабатывает новое мироотношение – «философию крупных капиталистов»: «...именно, что мир создан специально для них, а также для их пользы существуют и другие людишки» (224). Именно поэтому теперь он говорит с отцом «...не как сын, а как член банковского правления...» (275).

Роман актуализируется художественно выписанным «механизмом» жесточайшей борьбы за выживание на российском хлебоном рынке, где уничтожаются средней величины мельники, у которых отнимается «...и зерновой рынок, и кредит, и заперт <...> оптовый сбыт» (365). Бытийным испытанием для нового уклада жизни становится картина всепожирающего пожара, случившегося в Заполье: «...горел хлебный рынок <...> Гостиный дом,

новые магазины земская управа, здание Запольского банка...» (365) В «Эпilogue» представлена картина голода в крае, недавно богатом хлебом. Теперь Галактион – владелец пароходов – «...железною рукой захватил весь хлебный рынок...» (404). Но на пути вседозволенности добычи денег стоит народная правда, носителем которой остается Михей Колобов и его единомышленники. Перед добровольной смертью, которую принимает Галактион, отец вновь напоминает: «...есть Суд Божий <...> Ты кровь христианскую пьешь... Люди мрут голодом, а ты с их голода миллионы хочешь наживать...» (421). Бытийное несогласие отца и сына завершается трагически: для молодого героя, а Отец остается жить, чтобы и далее отстаивать свою Правду.

Мамин создает разноуровневую картину движения жизни и перемен в Зауралье и других областях России. В романном метатексте Д. Н. Мамина-Сибиряка запечатлеваются важнейшие культурно-исторические события Отечества и Урала. Быт и Бытие человека, его сознание и психологию поворачивает разными гранями с тем, чтобы представить сложную и многогранную двадцатипятилетнюю картину российской действительности, продвигающуюся к новому, XX столетию.

Примечания

¹ Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников. Свердловск, 1962. С. 200.

² Неведомский М. Зачинатели и продолжатели: поминки, характеристики: очерки по рус. лит.: от дней Белинского до наших дней. Пг., 1919. С. 33.

³ Колтоновская Е. В стороне от главного русла: Д. Мамин-Сибиряк // Вестн. Европы. 1913. Кн. 2, февр. С. 198–213.

⁴ Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. 2-е, доп. изд. Свердловск, 1981; Его же: Творчество Мамина-Сибиряка – историко-литературный парадокс // Изв. Урал гос. ун-та. 2002. № 24. С. 5–8. (Гуманитарные науки; вып. 5).

⁵ РГАЛИ. Ф. 316. Оп. 1. Ед. хр. 91. Письмо от 2 января 1875 г.

⁶ Щенникова Л. П. Русский поэтический неоромантизм 1880–1890-х гг.: эстетика, мифология, феноменология. СПб.: Серебряный век, 2010. 480 с.

⁷ Ее же. «Омут» (1878–1881) как пратекст романов Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральская литература конца XVIII–XIX вв.: учеб. пособие. Екатеринбург, 2006. С. 189–197.

⁸ Боголюбов Е. А. Творчество Мамина-Сибиряка. Вып. 2. Творческая история «Приваловских миллионов». Молотов, 1944. С. 26–28, 30–31, 46–47. Его же. История работы Д. Н. Мамина-Сибиряка над романом «Приваловские миллионы» // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 12 т. Свердловск, 1946. Т. 2. С. 284–392; Дергачев И. А.

Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX в. Екатеринбург, 1982. С. 48–75; Щенников Г. К. Творческая история романа «Приваловские миллионы» // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Екатеринбург, 2006. Т. 2, кн. 2. С. 561–583.

⁹ Писарев Д. И. Соч.: в 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 125.

¹⁰ Здесь и далее цит. по: Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Екатеринбург, 2006. Т. 2, кн. 1. Номер тома и страницы указаны в скобках в тексте.

¹¹ Щенникова Л. П. Евразийский тип героя в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка // Уральская литература конца XVII–XIX в.: учеб. пособие. Екатеринбург: УрГУ, 2006. С. 164–177.

¹² Щенникова Л. П. Евразийский тип героя в романах Дмитрия Мамина-Сибиряка // Problemy Współczesnej Komparatystyki. Poznań, 2007. Т. 3: Eurazjatyckie konteksty literatury i kultury rosyjskiej. S. 29–36.

¹³ См.: Гуськова Т. К. Роман «Горное гнездо», его герои и прототипы // Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо. Екатеринбург: УрГУ, 2002. С. 367–400; Его же. Один из анекдотических людей. Из уральской летописи // Там же. С. 342–353; Калистратова Э. А. Отражение личности и биографии Якима Семеновича Колногорова в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка, 4–5 нояб. 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 115–128.

¹⁴ Щенникова Л. П. Драматургическое начало в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо» // Мамин-Сибиряк, Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 3. Екатеринбург, 2007. С. 987–990.

¹⁵ Надсон С. Я. Проза. Письма. Дневник. СПб., 1912. С. 128.

¹⁶ Топоров В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы»: введение в тему // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исслед. в области мифопоэтического: избранное. М., 1995. С. 259–367.

¹⁷ Щенникова Л. П. Проблема интертекстуальности романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Бурный поток (На улице)» // Литературные чтения: Время. Личность. Судьба: сб. ст. / С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; под ред. В. Я. Гречнева. СПб., 2008. С. 111–118.

¹⁸ Щенникова Л. П. Первый петербургский роман Д. Мамина-Сибиряка «Бурный поток (На улице)» // Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Екатеринбург, 2007. Т. 4. С. 687–694.

¹⁹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Именинник. Пермь, 1989. С. 119.

²⁰ Там же. С. 236.

²¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 174.

²² См.: Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 401.

²³ Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 7. С. 313.

²⁴ Дергачев И. Д. Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. Свердловск, 1980. С. 253–255.

²⁵ Там же.

²⁶ Дергачев И. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб: роман. Свердловск, 1984. С. 422.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 424.

²⁹ Здесь и далее цит. по: Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб: роман. Свердловск, 1984. Здесь: с. 7. Далее страницы указаны в тексте в скобках.